

*Г. В. Гарбуз*

## **«Грязный период»: свобода слова в российской провинции в 1905–1913 годах глазами местной администрации**

Российская модернизация конца XIX — начала XX в. коренным образом изменила исторический уклад общественной жизни. Закономерным результатом модернизационных процессов стало формирование элементов гражданского общества. Российское самодержавие вынужденно и крайне неохотно отказывалось от прерогатив контролировать образ мыслей населения и выступать единственным официальным выразителем его интересов. Только мощнейший революционный кризис осенью 1905 г., поставивший вопрос о сохранении монархии, заставил Николая II даровать подданным важнейшие демократические свободы, среди которых была и свобода слова.

Насколько этот шаг самодержца был востребован обществом, помогают судить данные С. В. Смирнова, отмечавшего, что в России в 1905–1907 гг. издавалось 3310 легальных газет и журналов, из которых примерно половина имела общественно-политическую направленность<sup>1</sup>. Государственный аппарат на всех его уровнях, таким образом, был поставлен перед необходимостью взаимодействия с независимой прессой. Термин «независимая пресса» в данном случае относится к изданиям, избегавшим какого-либо содействия со стороны царской администрации и находившимся, как правило, в оппозиции к правительству. В то же время и центральную и провинциальную печать этого периода нельзя считать полностью независимой, поскольку она испытывала на себе влияние различных политических сил и общественных кругов, которыми субсидировалась и поддержи-

**Гарбуз  
Георгий  
Владимирович**  
канд. ист. наук,  
доц., Пензенский  
государственный  
университет  
(Пенза, Россия)

валась, являясь главным инструментом реализации обществом свободы слова в исторических условиях начала XX в.

Проблема взаимоотношений власти и независимой прессы нашла отражение в отечественной историографии. В работах А. В. Лихоманова, С. Я. Махониной, С. В. Смирнова вопросы отношений власти и прессы рассматриваются совокупно с другими проблемами развития периодической печати в России в начале XX в.<sup>2</sup> В некоторых публикациях А. В. Лихоманова политика правительства в области печати стала темой специального исследования<sup>3</sup>. В региональной историографии отношения местной администрации и прессы обычно представлены в контексте анализа других проблем развития провинциальной печати<sup>4</sup>. Работы, специально посвященные этому вопросу, достаточно редки<sup>5</sup>. В данной статье предпринята попытка проанализировать отношение провинциальных чиновников к свободе слова в российской провинции, отразившееся в их мемуарах, публицистических статьях, деловой переписке.

Основной акцент в исследовании делается на ситуации, сложившейся в трех поволжских губерниях: Пензенской, Самарской и Симбирской, которые, на наш взгляд, являются типичным примером российской провинции начала XX в. Как большинство губерний Российской империи, они управлялись по «Общему учреждению губернскому», имели преимущественно аграрный характер экономики, многонациональный и многоконфессиональный состав населения. Здесь нашли отражение основные процессы российской общественной жизни этого времени, что делает анализ достаточно репрезентативным.

Манифест 17 октября 1905 г., открывший новый период в развитии российского государства и общества, был воспринят провинциальной администрацией неоднозначно. «Произвел он на всех впечатление ошеломляющее», — писал в своих «Воспоминаниях» тульский губернатор М. М. Осоргин<sup>6</sup>. Провинциальные администраторы в основном понимали сущность и масштаб произошедших изменений, осознавали их закономерность, но способ перехода к новому государственному строю и обстоятельства, в которых он произошел, вызвали недоумение. И. Ф. Кошко, занимавший в начале XX в. высшие должности в административном аппарате нескольких губерний, следующим образом выразил свои первые ощущения: «Манифест 17 октября на меня лично произвел впечатление прежде всего своей недосказанностью. Им даровалось очень много благ, но в каких формах эти блага прольются в действительную жизнь?»<sup>7</sup> Сходная реакция была и у самарского губернского предводителя дворянства А. Н. Наумова, отметившего в своих мемуарах «неопределенность редакции» манифеста, которая породила жаркие споры о сущности нового государственного строя в обществе<sup>8</sup>.

Растерянность местной администрации в октябрьские дни 1905 г. была вызвана резким диссонансом между манифестом и прежней политикой власти. «Все то, против чего десятилетиями, если не более, боролись, признавалось отныне закономерным»<sup>9</sup>, — писал М. М. Осоргин. Как действовать в новых обстоятельствах в первые дни после манифеста, местная администрация не понимала. Ощущение масштабности и чуждости произошедшего вызывало у провинциальных администраторов замешательство. «Манифест повторял уличные

выкрики о разных свободах и, санкционируя их, обещал стране дать что-то совершенно для нее новое, неиспытанное и ничем не связанное с прежним государственно-бытовым укладом страны»<sup>10</sup>, — отмечал А. Н. Наумов. Не все были готовы самостоятельно определить политику в новых условиях, подобно тульскому губернатору М. М. Осоргину, который разослал полицейским чиновникам циркуляр с указанием, что полиция теперь «свободна от обязанности следить за образом мыслей населения»<sup>11</sup>. Большинство привыкло действовать по указанию сверху, что еще больше усложняло ситуацию. По воспоминаниям симбирского губернатора Л. В. Яшвиля, местная администрация получила от правительства указание, что «все старые законы остаются в силе, но применять их в духе Манифеста 17 октября»<sup>12</sup>.

В условиях революционного кризиса растерянность власти использовали представители освободительного движения. У них не вызвали сомнения способы реализации дарованных самодержцем свобод, манифест они воспринимали как свою победу. Провинциальные города захлестнула волна митингового половодья. На санкционированных и не санкционированных властями собраниях свобода слова осуществлялась явочным порядком, звучали открытые призывы к свержению существующего строя<sup>13</sup>. Такой эффект демократических свобод заставил местную администрацию определить ситуацию как «поражение правительства — его бессилие, и торжество улицы»<sup>14</sup> и предопределил ее дальнейшее негативное отношение к свободе слова. В среде провинциальной бюрократии усилились консервативные настроения. Многие представители либерально-реформистского крыла российской бюрократии, представлявшие себе переустройство общества как плавную эволюцию под патронажем государства, были разочарованы, столкнувшись с реальным воплощением либеральных свобод. Часть их добровольно или вынужденно покинула государственную службу, другие перешли на консервативные позиции. «После 17 октября из либерала я силою вещей превратился в консерватора, а по мнению бесчинствующей “улицы” — даже в злейшего реакционера»<sup>15</sup>, — констатировал А. Н. Наумов.

«Временные правила о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. открыли новую эпоху во взаимоотношениях власти и прессы. В прежние времена во многих губерниях отсутствовали независимые периодические издания. Существовавшие газеты и журналы были поставлены в жесткие цензурные рамки; как отмечал С. В. Смирнов, «без разрешения начальства пресса лишена была возможности оглашать даже официальные документы и сведения»<sup>16</sup>. Теперь администрация должна была выстраивать отношения с независимой печатью в условиях декларированной императором свободы слова. «Временные правила» отменяли предварительную цензуру, значительно упрощали открытие новых периодических изданий, сужали возможности административного давления на прессу.

Активизация общественной жизни в период подъема революции в конце 1905 г. способствовала быстрому появлению многочисленных периодических изданий в столицах и провинции. Наиболее деятельными в этом плане оказались представители освободительного движения. В результате независимая

пресса, большей частью, была чрезмерно политизирована и находилась в той или иной степени в оппозиции к правительству. Провинциальная пресса открыто обличала правительство, на протяжении всего периода революции усиливая риторику. В редакционной статье первого номера пензенской газеты «Перестрой» (декабрь 1905 г.) происходящие события характеризовались «не как результат интриги нескольких крамольников, а плод долгого застоя народной и государственной жизни, переустройства во всех областях ее»<sup>17</sup>. В «Обзоре печати», опубликованном в самарской газете «Волжское слово» (январь 1907 г.) говорилось: «Старый строй, режим организованного казнокрадства, режим сплоченного насилия и беззакония, ведет ожесточенный, смертельный бой за свое обреченное существование»<sup>18</sup>.

В представлении провинциальных чиновников независимая пресса очень быстро стала одним из главных источников «революционной заразы». «Мы переживаем грязный период в истории печатного слова»<sup>19</sup>, — писал в одной из статей симбирский вице-губернатор А. В. Арапов. По его мнению, оппозиционная печать являлась главным вдохновителем общественных беспорядков: «И посмотрите, как на каждом шагу именно та же печать левого направления своими восхвалениями и подстрекательством различных преступных действий, начиная хотя бы с хулиганства, экспроприаций, зачастую убийств, самоубийств и насилий, двигала и двигает массу народную на малое и крупное преступление, заражая читателей своих своими ложными идеями и грязными чувствами»<sup>20</sup>. Мнение А. В. Арапова поддерживал его непосредственный начальник — симбирский губернатор А. С. Ключарёв, который отмечал, что легальная печать перехватила пальму первенства в распространении революционной агитации у нелегальных изданий и вывела антиправительственную пропаганду на новый уровень. «Все громадные расходы на пресечение деятельности революционных сообществ не являются ли расходами на тушение того пожара, который на наших глазах, невозбранно, зажигают левые газеты, выбрасывая ежедневно десятки тысяч прокламаций, носящих невинные названия “Русское слово”, “Биржевые ведомости”, “Утро России”...»<sup>21</sup> — констатировал начальник Симбирской губернии. Действительно, нередко легальная пресса копировала даже стиль революционных листовок. «Небольшая кучка лиц, стоящих у власти, цепкими лапами ухватившись за штык, держит в порабощении многомиллионный народ»<sup>22</sup>, — говорилось в пензенской газете «Черноземный край». Указывали местные администраторы и на обратную связь, когда публикации легальных газет служили материалом для нелегальных листовок. Костромской губернатор Л. М. Князев отмечал, что некоторые статьи газеты «Северный край» о рабочем движении в губернии впоследствии почти дословно воспроизводились в прокламациях местного комитета РСДРП<sup>23</sup>.

На страницах оппозиционных газет характеристика правительственной политики часто сопровождалась эпитетами «насилие» и «произвол», которые нередко персонифицировались с действиями конкретных представителей царской администрации. Такие выпады прессы провинциальные чиновники воспринимали как личную угрозу. И. Ф. Кошко в своих мемуарах приводит распространенную среди местной администрации версию мотивов покушения на

пензенского полицмейстера Д. Д. Кандаурова: «Газетка “Черноземный край”, которую позднее стали называть за ее гнусность “Навозным краем”, вела особенно сильную агитацию против губернатора Хвостова и полицмейстера. Прямым последствием этого было то, что экзальтированный юноша, некий Васильев, однажды в самом центре города у губернаторского дома выстрелом из револьвера в спину полицмейстера уложил его на месте»<sup>24</sup>. В другой части своих воспоминаний И. Ф. Кошко указывает, что, занимая должность самарского вице-губернатора, он и сам был мишенью подобных инсинуаций местной революционной печати, которая обвиняла его в организации необоснованных экзекуций крестьян. «Цель тут совершенно очевидна: надо было поджечь негодование против меня и заставить какого-нибудь взвинченного юношу ухлопать меня при первой к тому возможности»<sup>25</sup>, — с негодованием писал бывший вице-губернатор.

Причины для обвинений провинциальной прессы в инсинуациях у местных администраторов имелись. Редакции газет и сами признавали, что в пылу политической борьбы используют непроверенную информацию, которая впоследствии оказывается неточной, и преднамеренно сгущают краски<sup>26</sup>.

Местные власти, имевшие ранее монополию на интерпретацию государственной политики, столкнулись с тем, что теперь на страницах независимых периодических изданий приводились различные точки зрения на деятельность правительства. Критикуя любые действия правительства, оппозиционная печать, к неудовольствию администрации, указывала на неприятные для простого обывателя аспекты государственной политики. Положение усиленной охраны, введенное в годы Первой русской революции почти на всей территории страны, по мнению царских администраторов, было призвано «искоренить внушенные агитацией понятия о безнаказанности и бессилии власти»<sup>27</sup>. Независимые газеты объясняли провинциальному обывателю сущность чрезвычайных мер иначе. «Усиленная охрана дает право всякому полицейскому рыться у вас по карманам даже без участия понятых»<sup>28</sup>, — писала газета «Перестрой», отождествляя усиление власти с произволом.

На страницах оппозиционных газет подвергались критике суждения и взгляды представителей провинциальной администрации. В мемуарах А. Н. Наумова приводится характерный эпизод. На одном из публичных собраний в Самаре он высказал следующее мнение о смертной казни: «Кто поднимет меч на ближнего своего, под коим надо разуметь и родину свою, тот должен от меча и погибнуть», — что сделало его предметом травли со стороны левой прессы. В качестве примера автор приводит объявление в самарской газете «Горчичник»: «Продаются оптом и в розницу орудия для смертной казни, — просят обращаться к Наумову, Дворянская улица, собственный дом»<sup>29</sup>.

Неудовольствие местной администрации вызывало широкое освещение в столичных и провинциальных изданиях антиправительственных выступлений в различных регионах, особенно в период 1905–1907 гг., что формировало у местного населения представление о масштабах революционного кризиса в стране. Публикации о событиях местной жизни также создавали неприятные для провинциальной администрации ситуации. Нередко на страницах

газет появлялась информация, которую губернское руководство не желало афишировать, а то и вовсе пыталось скрыть. Вслед за такими публикациями следовал грозный запрос из Санкт-Петербурга с требованием разъяснений. Чаще всего местные чиновники пытались обвинить газеты в дезинформации, но иногда вынуждены были признавать неприятные факты. Отвечая на запрос Департамента полиции по материалам газеты «Русь» о столкновении крестьян с силами правопорядка в Самарской губернии в августе 1907 г., губернатор В. В. Якунин неохотно подтвердил подлинность событий, но отметил, что газета исказила факты, поскольку пострадали не восемь крестьян, как было указано в статье, а только шесть<sup>30</sup>. Иногда к неприятным для местной администрации последствиям могли привести вполне безобидные, на первый взгляд, заметки. В 1908 г. в столичном журнале «Театр и искусство» была опубликована рецензия на постановку в самарском театре пьес С. С. Юшкевича «Король» и Л. Н. Андреева «К звездам», после чего местным чиновникам пришлось объяснять Департаменту полиции, почему в Самаре идут запрещенные цензурой пьесы<sup>31</sup>.

В тех случаях, когда местной администрации удавалось доказать необоснованность публикаций, правительство требовало от редакции газеты напечатать опровержение, что для провинциальных чиновников являлось непростым делом и нередко приносило массу отрицательных эмоций. Центральные периодические издания старались всячески уклониться от подобных процедур, а если и шли на размещение опровержений, то старались при этом каким-либо образом досадить провинциальной администрации. «Пасквиль, как правило, печатается на видном месте крупными буквами, а опровержение будет дано более чем скромно на последней странице, мельчайшим шрифтом, рядом с объявлениями о шутовском коньяке и слабительных пилюлях»<sup>32</sup>, — писал А. С. Ключарёв. Он также отмечал, что редакции часто добавляли к таким публикациям не предусмотренные законом комментарии, которые «иногда делают печатные опровержения прямо смешными»<sup>33</sup>. «А эти постоянные заключительные строки “Губернатор — подпись неразборчива”»<sup>34</sup>, — с обидой констатировал симбирский губернатор. Можно было размещать опровержения и в правительственных официозах, но, как справедливо указывал А. С. Ключарёв, «читатели “Утра России” — “Россию” читать не будут»<sup>35</sup>. Разместить опровержения в провинциальных газетах было немногим легче.

Еще одним раздражающим местную администрацию фактором стал рост конкуренции на рынке печатных услуг между государственными и частными типографиями. Свобода слова способствовала развитию типографского дела в провинции. Частные типографии использовали издававшиеся ими независимые газеты для рекламы своих услуг, и часть заказов на производство разнообразной печатной продукции, ранее осуществлявшихся типографиями губернских правлений, теперь доставалась частным издательствам. Из доходов типографий губернских правлений от частных заказов формировался резервный финансовый фонд губернской администрации. Эти средства шли на выплату вознаграждения местным чиновникам и погашение расходов, не запланированных в бюджете, который выделялся государством. Сокращение прибыли государственных типографий болезненно воспринималось

провинциальным руководством. В мемуарах и публицистике администраторов упоминания об этом аспекте свободы слова отсутствуют, но в деловой переписке недовольство проявляется. И. Ф. Кошко, будучи пензенским губернатором, в одном из своих циркуляров в декабре 1907 г. прямо указывает на сокращение доходов типографии губернского правления и требует от всех подведомственных учреждений, вплоть до волостных правлений, размещать заказы только в правительственном издательстве<sup>36</sup>.

Отношение царских чиновников к деятельности оппозиционной прессы представил в одной из статей А. В. Арапов: «Одурманенная политической борьбой, не желая доискиваться истины, не имея в багаже своем никаких доказательств и нравственных устоев, чувствуя слабость своих убеждений, злобствуя в своем бессилии, — клеветала и клеветает, сплетничала и сплетничает, инсинуировала и инсинуирует против каждого и против всего, находя в этом только свое единственное орудие»<sup>37</sup>. У местной администрации сформировалось стойкое убеждение в разрушающем влиянии свободы слова на общественные устои, следствием чего стало постоянное давление на независимую прессу с целью если не уничтожить ее полностью, то хотя бы ввести в приемлемые для власти рамки.

Репрессии в отношении независимой печати в условиях сохранения свободы слова, по мнению царских чиновников, не давали должного эффекта. «Мы, поставленные от государя и правительства для охраны порядка и начал государственности, вынуждены бессильно топтаться на одном месте и детским оружием “бороться” с этим вопиющим злом»<sup>38</sup>, — писал А. С. Ключарёв. Особое недовольство вызывало новое законодательство в области печати. «Временные правила о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г., по мнению А. С. Ключарёва, принесли России «больше несчастья и вреда, чем все революционеры, начиная с Герцена до Бурцева включительно»<sup>39</sup>. Они существенно ограничили репрессивную политику администрации, определив возможность наказания печатных органов только по решению суда.

Провинциальные руководители крайне низко оценивали эффективность судебных репрессий в отношении независимой печати. Отмечалась медлительность судебной машины. Судебное преследование, «осуществляемое в лучшем случае через полгода», когда сама статья уже позабылась, «принеся в свое время ожидаемые плоды», по мнению И. Ф. Кошко, теряло всякий смысл<sup>40</sup>. Сходной точки зрения придерживался и А. С. Ключарёв, отмечавший: «Безвредная вчера или завтра статья может быть бесконечно вредна сегодня, а потому сегодня, а не через месяцы или год и должны разрешаться такие дела»<sup>41</sup>. Местную администрацию не устраивало то обстоятельство, что суды нередко отклоняли ее иски, не находя в газетных публикациях состава преступления. «Наш современный суд, требующий от обвинителя “формальных данных и вещественных доказательств”, считающий “подготовление к преступлению” не наказуемым, этот суд недостаточно тонко организован, чтобы быть серьезным врагом агитатора-издателя»<sup>42</sup>, — раздраженно замечал А. С. Ключарёв. Провинциальные администраторы обвиняли судейских в недостаточной компетенции и плохом знании местных реалий, которые, по их мнению, сказывались на

результатах судебных процессов по делам оппозиционной прессы. «Суд, в его настоящем виде, совершенно не приспособлен для борьбы с преступлениями печати, где тысячи мелких данных, жизненных соображений, впечатлений и местных условий должны влиять на решения»<sup>43</sup>, — замечал А. С. Ключарёв. Его мнение поддерживал Л. В. Яшвилль, отмечавший, что «судебная палата часто не может отдать себе отчет в важности какой-нибудь статьи, имеющей местное значение»<sup>44</sup>. И. Ф. Кошко прямо обвинял судебные власти в предвзятости: «Суд назначает несообразно ничтожные наказания, как бы выражая тем свое несочувствие борьбе с печатным словом»<sup>45</sup>. Для местной администрации борьба с независимой прессой посредством суда стала очень трудоемким процессом. И. Ф. Кошко во всеподданнейшем отчете императору отмечал, что в первый год губернаторства в Пензе ему пришлось возбудить, «одно за другим», сорок уголовных преследований против редактора местной газеты «Жизнь Черноземного края», чтобы добиться решения суда о закрытии этого печатного органа<sup>46</sup>.

Положение усиленной охраны, предоставившее провинциальным властям возможность прямого административного давления на прессу, было благосклонно встречено губернской администрацией, которая стремилась сохранить эти чрезвычайные полномочия и после завершения Первой русской революции. Во всеподданнейшем отчете за 1910 г. симбирский губернатор Д. Н. Дубасов отмечал, что «левая печать» является «единственной силою», против которой в этот период активно применялись чрезвычайные полномочия губернатора<sup>47</sup>. Право в административном порядке арестовывать отдельные номера газет, закрывать типографии, подвергать аресту и высылать за пределы губернии редакторов позволило провинциальным администраторам развернуть широкое наступление на неудобные издания. В январском номере 1908 г. пензенской газеты «Сура» был представлен мученик губернской независимой прессы за предшествующий год. Газета «Черноземный край» прекратила свое существование на 16-м номере, ее редактор граф П. М. Толстой приговорен судом к трехмесячному заключению и выслан за пределы губернии. Газета «Жизнь Черноземного края» продержалась до 54-го номера и была закрыта по решению суда, редактор В. А. Бессонов привлечен к ответственности по восьми уголовным делам. Набор 151-го номера газеты «Голос Черноземного края» был разобран по требованию полиции, после чего издание прекратило существование, а редактор Е. В. Титов привлечен к ответственности по пяти уголовным делам и приговорен к полутора годам заключения. 23 сентября 1907 г. вышел единственный номер «Пензенской газеты», редактор И. М. Грушецкий был оштрафован на основании обязательных постановлений губернатора, издание газеты запрещено. В октябре того же года вышли десять номеров газеты «Отголоски Черноземного края», поле чего она была запрещена на основании обязательных постановлений, а редактор И. Е. Марков оштрафован<sup>48</sup>.

Сочетание административного давления и уголовного преследования позволило местным администраторам в послереволюционный период снизить активность оппозиционной печати, но совсем прекратить ее деятельность в условиях сохранения свободы слова им не удалось. «Бороться с газетами при новом законе является невозможным, как только закрывается одна, возникает



другая»<sup>49</sup>, — отмечал Л. В. Яшвилъ. Оппозиционные круги провинциального общества, организовывавшие издание левых газет, находили способы противостоятъ натиску властей. «Нанимая за 25 рублей в месяц, в качестве редактора-отсидчика, первого попавшегося босяка... действительный владелец газеты и типографии делается совершенно неуязвимым для администрации и суда»<sup>50</sup>, — констатировал А. С. Ключарёв.

Осознание своего бессилия в попытках законным путем «заткнуть рот» неугодным изданиям заставляло некоторых представителей провинциальной администрации преступать закон в общении с независимой прессой. В мемуарах И. Ф. Кошко приведен случай из его практики на посту пензенского губернатора. После того как одна из местных газет поместила статью, в которой была дана нелестная характеристика чиновнику по особым поручениям при губернаторе Н. Д. Колвзану, обиженный представитель власти отправился в редакцию и избил редактора. Губернатор предпочел не реагировать на волну общественного недовольства, поднятую прессой, несмотря на то что дело получило резонанс за пределами губернии. Только требование председателя Совета министров П. А. Столыпина заставило И. Ф. Кошко наложить на подчиненного дисциплинарное взыскание — три дня домашнего ареста<sup>51</sup>. Демонстративное нежелание пензенского губернатора адекватно наказать провинившегося чиновника было продиктовано не столько чувством корпоративной солидарности, сколько укоренившимся в среде провинциальной бюрократии неприязненным отношением к оппозиционной прессе.

Попытки провинциальной администрации воздействовать на независимую прессу материально успеха, как правило, не имели. Не стеснялись брать средства у правительства черносотенные издания, но даже умеренно либеральная пресса, готовая к сотрудничеству с властью в тех аспектах, где их взгляды совпадали, уклонялась от правительственных субсидий. А. Н. Наумов, являвшийся одним из учредителей в Самаре «Партии порядка» (близкой по своим взглядам к октябристам) и организатором партийного органа — газеты «Голос Самары», в своих воспоминаниях подчеркивал, что всегда категорически отказывался от предложений финансовой помощи, поступавших от правительственных агентов<sup>52</sup>, хотя и сам являлся высокопоставленным представителем местного управления как губернский предводитель дворянства. Государственное финансирование, в его представлении, было несовместимо с имиджем независимого издания.

Представители царской бюрократии вынуждены были признать, что им не удалось взять под контроль свободу слова. «Вся русская печать, как местная, так и столичная, оказывается “вне сферы влияния” администрации, безнаказанно растлевающая общество»<sup>53</sup>, — констатировал А. С. Ключарёв. Независимая пресса являлась одним из главных раздражителей для провинциальной администрации, противостояние ей стало для губернских начальников чем-то большим, нежели простое исполнение служебных обязанностей, о чем дает понять в своем письме товарищу министра внутренних дел И. М. Золотарёву симбирский губернатор А. С. Ключарёв. Письмо стало ответом на циркуляры МВД, разосланные губернаторам в конце 1911 г., в которых в очередной раз

предписывалось усилить борьбу с «легальной партийной прессой». Оно несколько выходит за рамки обычной казенной переписки. «Конечно, легчайшим способом исполнения этих циркуляров была бы собственноручная отметка губернатора на таковых “к руководству” или в лучшем случае донесение Министерству “все будет исполнено”, но в данном деле Вами затронут такой наболевший вопрос, что я, душевно приветствуя этот Ваш почин столь громадной важности, решаюсь утруждать внимание Вашего превосходительства более подробным, чем обычная казенная отписка, сообщением»<sup>54</sup>, — писал симбирский губернатор, представивший далее подробный анализ взаимоотношений местной администрации и независимой прессы, выдержки из которого использовались в данной статье. В заключение письма следует предложение дальнейшей бюрократизации свободы слова. В губерниях для этих целей, по мнению А. С. Ключарёва, необходимо создать очередное губернское присутствие по делам печати, со стандартным набором чиновников, которое будет иметь широкие полномочия по контролю за местными периодическими изданиями<sup>55</sup>.

Отношение провинциальных администраторов к свободе слова является ярким примером неспособности имперского государственного аппарата адекватно реагировать на изменения, привнесенные в общественную жизнь процессом модернизации начала XX в. Свобода слова позволила различным общественным силам открыто распространять свои взгляды на развитие российского общества. В условиях обострившейся политической борьбы их идеи часто противоречили правительственному курсу, что вызывало закономерное неприятие у царской бюрократии. Раздражение информационной политикой своих оппонентов переросло у провинциальных администраторов в отрицание свободы слова в целом. Руководители местного государственного аппарата, чьи взгляды отражены в данной статье, принадлежали к различным кругам российской бюрократии, но все они в основном негативно относились к деятельности независимой печати. Стремление ограничить и максимально бюрократизировать свободу слова присутствует даже у тех авторов, которые в своей публицистике признавали закономерность наступивших в обществе перемен, что говорит о внутренней неготовности к сотрудничеству с обществом в условиях демократических преобразований. Ментальность провинциальной административной элиты формировалась под влиянием господствовавших в самодержавном бюрократическом аппарате патерналистических традиций управления и основывалась на твердой уверенности в том, что все в стране зависит от воли чиновника, это определяло ее антагонизм к любым проявлениям общественной свободы.

<sup>1</sup> Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 11.

<sup>2</sup> Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997; Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991; Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции.

<sup>3</sup> Лихоманов А. В.: 1) Требования к редакторам периодических изданий как элемент цензурной политики России в 1905–1907 гг. // Книжное дело в России в XIX — начале XX века:

сб. науч. трудов. СПб., 2008. С. 75–88; 2) Правительство С. Ю. Витте и обеспечение свободы прессы в 1905 г. // Исторические записки. 2008. № 11. С. 199–217.

<sup>4</sup> *Вахрушев А. А.* Вятская печать в годы первой русской революции // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2013. № 3. С. 37–45; *Ветелина Л. Г., Пашинина А. В.* Омские дореволюционные газеты и их функциональные особенности // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 212–217; *Карнишин В. Ю.* Либеральные газеты российской провинции в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11). С. 23–29; *Невиницын Р. А.* Влияние газеты на общественную жизнь России в начале XX в. (на примере «Северного края») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 51. С. 71–74; *Тамоченко В. В.* Роль провинциальной прессы в формировании гражданского общества в России в конце XIX — начале XX в.: по материалам Ярославской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010.

<sup>5</sup> *Гарбуз Г. В.:* 1) Власть и провинциальная пресса Поволжья (1905–1907 гг.) // Актуальные проблемы политики и права: труды университета: межвуз. сб. науч. статей. Пенза, 2001. С. 25–34; 2) Власть и провинциальная пресса в Поволжье в 1907–1914 гг. // Исторические записки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Пенза, 2003. С. 107–116; *Курбакова Е. В.* Губернская власть и пресса российской провинции в 1811–1917 гг.: на материалах Казанской и Нижегородской губерний: дис. ... д-ра. ист. наук. Нижний Новгород, 2009; *Щерова Н. С.* Практика реализации законодательства о печати в начале XX в. (на примере Нижегородской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 240–242.

<sup>6</sup> *Осоргин М. М.* Воспоминания. М., 2009. С. 722.

<sup>7</sup> *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 11.

<sup>8</sup> *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 17.

<sup>9</sup> *Осоргин М. М.* Воспоминания. С. 726.

<sup>10</sup> *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... С. 17.

<sup>11</sup> *Осоргин М. М.* Воспоминания... С. 748.

<sup>12</sup> *Яшивиль Л. В.* Воспоминания о Симбирске: 1905–1906 гг. Киев, 1906. С. 20.

<sup>13</sup> *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора... С. 8.

<sup>14</sup> *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... С. 17.

<sup>15</sup> Там же. С. 18.

<sup>16</sup> *Смирнов С. В.* Легальная печать в годы первой русской революции. С. 8.

<sup>17</sup> Перестрой. 1905. 22 дек.

<sup>18</sup> Волжское слово. 1907. 6 янв.

<sup>19</sup> *Арапов А. В.* Сборник статей по вопросам внутренней политики и общественного самоуправления. Симбирск, 1914. С. 3.

<sup>20</sup> Там же. С. 2.

<sup>21</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. Оп. 121. Д. 4. 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 2.

<sup>22</sup> Черноземный край. 1907. 1 янв.

<sup>23</sup> *Невиницын Р. А.* Влияние газеты на общественную жизнь... С. 73.

<sup>24</sup> *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора... С. 9.

<sup>25</sup> Там же. С. 81.

<sup>26</sup> Перестрой. 1906. 15 окт.

<sup>27</sup> Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. Б-ка 1-го Отделения. Оп. 1. Ед. хр. 88. Всеподданнейший отчет симбирского губернатора за 1908–1909 гг. С. 4.

<sup>28</sup> Перестрой. 1906. 23 авг.

<sup>29</sup> *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... С. 70.

<sup>30</sup> Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2534. Л. 106.

<sup>31</sup> Там же. Д. 2670. Л. 7.

<sup>32</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Д-4, 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 5.

<sup>33</sup> Там же. Л. 4 об.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. Л. 5.

- <sup>36</sup> Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7486. Л. 148.
- <sup>37</sup> Арапов А. В. Сборник статей по вопросам... С. 2.
- <sup>38</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Д-4, 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 2.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора... С. 50.
- <sup>41</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Д-4, 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 6.
- <sup>42</sup> Там же.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> Яшивиль Л. В. Воспоминания о Симбирске... С. 40.
- <sup>45</sup> Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора... С. 50.
- <sup>46</sup> РГИА. Ф. Б-ка 1-го Отделения. Оп. 1. Ед. хр. 65. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1907 г. С. 9.
- <sup>47</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1911. Д. 40. Л. 7.
- <sup>48</sup> Сура. 1908. 1 янв.
- <sup>49</sup> Яшивиль Л. В. Воспоминания о Симбирске... С. 40.
- <sup>50</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Д-4, 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 4.
- <sup>51</sup> Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора... С. 250.
- <sup>52</sup> Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний... С. 58.
- <sup>53</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Д-4, 1912. Д. 65, ч. 8. Л. 2.
- <sup>54</sup> Там же. Л. 1 об.
- <sup>55</sup> Там же. Л. 8.

Статья поступила в редакцию 7 августа 2021 г.  
Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

#### ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гарбуз Г. В. «Грязный период»: свобода слова в российской провинции в 1905–1913 годах глазами местной администрации // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 358–371. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.206>

*Аннотация:* В статье на основе мемуаров, публицистики, деловой переписки руководителей провинциальной администрации позднеимперской России рассматривается их отношение к свободе слова, введенной Манифестом 17 октября 1905 г. Демократические свободы, дарованные населению с высоты престола в один из самых напряженных моментов Первой русской революции, были сразу же активно использованы освободительным движением для борьбы с существующим строем, что предопределило дальнейшее негативное отношение к ним со стороны царской бюрократии. Хозяева губерний не привыкли к открытой критике своих действий, а отождествление в оппозиционной прессе правительственных репрессий с их именами воспринимали как угрозу собственной жизни. Руководители провинциального государственного аппарата выражали недовольство тем, что свобода слова разрушала их монополию на интерпретацию государственной политики и оценку общественных процессов. Административные репрессии и судебные преследования не позволяли бюрократии в полной мере взять под контроль независимую печать, которая была основным выразителем свободы слова в данный исторический период, а в глазах руководителей местной администрации — главным возмутителем спокойствия в провинциальном обществе. В отношении к свободе слова у представителей провинциальной административной элиты доминирует сожаление о невозможности втиснуть это явление общественной жизни в привычные бюрократические рамки. Их административный менталитет, сформированный длительной карьерой в самодержавном бюрократическом аппарате, не позволял адекватно воспринимать демократические изменения в общественной жизни. Отношение провинциальных администраторов к свободе слова является ярким примером неспособности имперского государственного аппарата адекватно реагировать на изменения, привнесенные в общественную жизнь процессом модернизации начала XX в.

*Ключевые слова:* Российская империя, провинция, администрация, бюрократия, губернаторы, свобода слова, независимая пресса, оппозиция, газеты.

*Сведения об авторе:* Гарбуз Г. В. — канд. ист. наук, доц., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); ggarbuz@rambler.ru

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

## FOR CITATION

Garbuz G. V. ‘“Dirty Period”: Freedom of Speech in the Russian Province in 1905–1913 through the Eyes of the Local Administration’, *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 358–371. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.206> (In Russian)

*Abstract:* Using memoirs, journalism, business correspondence, and heads of provincial administration late Imperial Russia, this article examines attitudes to freedom of speech imposed by the Manifesto of 17 October 1905. The democratic freedoms granted from the crown at one of the most tense moments of the first Russian revolution were immediately and actively used by the liberation movement to fight the existing system, which pre-determined the further negative attitude towards them from the tsarist bureaucracy. The owners of the provinces were not used to open criticism of their actions by various social forces, and the identification of government repression with their names in the opposition press was perceived as a threat to their own lives. The heads of the provincial state apparatus expressed dissatisfaction with the fact that freedom of speech had ruined their monopoly on the interpretation of state policy and evaluation of social processes. Administrative repression and prosecution prevented the bureaucracy from fully taking control of the independent press, which was the main expression of freedom of speech in this historical period, and in the eyes of local administration leaders, the main troublemaker in provincial society. In relation to freedom of speech, representatives of the provincial administrative elite regret the inability to squeeze this phenomenon of public life into the usual bureaucratic framework. Their administrative mentality, formed by a long career in the autocratic bureaucracy, did not allow them to adequately perceive democratic changes in public life.

*Keywords:* Russian Empire, provinces, administration, bureaucracy, governors, freedom of speech, independent press, opposition, newspapers.

*Author:* Garbuz G. V. — PhD in History, Associate Professor, Penza State University (Penza, Russia); ggarbuz@rambler.ru

Penza State University, 40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russia

## References:

- Arapov A. V. *A collection of articles on issues of domestic policy and public self-administration authorities* (Simbirsk, 1914). (In Russian)
- Garbuz G. V. ‘Power and the provincial press of the Volga region (1905–1907)’ in *Aktual'nye problemy politiki i prava: trudy universiteta: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* (Penza, 2001). (In Russian)
- Garbuz G. V. ‘Power and the provincial press in the Volga region in 1907–1914’ in *Istoricheskie zapiski: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, vol. 7 (Penza, 2003). (In Russian)
- Karnishin V. Yu. ‘Liberal newspapers of the Russian province at the beginning of the XX century’, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, no. 3 (11), 2009. (In Russian)
- Koshko I. F. *Memories of the Governor. Novgorod — Samara — Penza* (Petrograd, 1916). (In Russian)
- Kurbakova E. V. *Provincial power and the press of the Russian province in 1811–1917: based on the materials of the Kazan and Nizhny Novgorod provinces* [Doctor of History Dissertation] (Nizhny Novgorod, 2009). (In Russian)
- Likhomanov A. V. ‘Requirements for editors of periodicals as an element of Russian censorship policy in 1905–1907’ in *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka: sbornik nauchnyh trudov* (St Petersburg, 2008). (In Russian)
- Likhomanov A. V. ‘The government of S. J. Witte and ensuring freedom of the press in 1905’, *Istoricheskie zapiski*, no. 11, 2008. (In Russian)

- Likhomanov A. V. *The struggle of the autocracy for public opinion in 1905–1907* (St Petersburg, 1997). (In Russian)
- Makhonina S. Ya. *Russian pre-revolutionary press 1905–1914* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Naumov A. N. *From the surviving memoirs of 1868–1917* (New York, 1955). (In Russian)
- Nevinicyн R. A. 'Influence of the newspaper on public life in Russia in the early twentieth century. (on the example of "Severny krai")', *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, no. 51, 2008. (In Russian)
- Osorgin M. M. *Memories* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Shcherova N. S. 'The practice of implementing press legislation in the early twentieth century (on the example of Nizhny Novgorod province)', *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 23, no. 4, 2017. (In Russian)
- Smirnov S. V. *Legal press during the first Russian revolution* (Leningrad, 1981). (In Russian)
- Tatochenko V. V. *The role of the provincial press in the formation of civil society in Russia in the late XIX — early XX century: based on the materials of the Yaroslavl province* [Candidate of History Dissertation] (Ivanovo, 2010). (In Russian)
- Vakhrushev A. A. 'Vyatka press during the first Russian revolution', *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. istoriya i filologiya*, no. 3, 2013. (In Russian)
- Vetelina L. G., Pashinina A. V. 'Omsk pre-revolutionary Newspapers and their functional features', *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1 (63), 2012. (In Russian)
- Yashvil' L. V. *Memories of Simbirsk 1905–1906* (Kiev, 1906). (In Russian)

Received: August 7, 2021

Accepted: February 22, 2022